

Сун Сюань вошел в императорский кабинет и увидел спящего Ли Цунцина рядом с северным окном, его голова лежала на подушке, а тело было покрыто монаршим облачением. На мгновение он удивился и осторожно спросил:

— Третий брат, разве это не запрещено?

— Ничего страшного, — ответил равнодушно император.

— Почему бы не дать ему право на титул шанцзюнь и делать это в открытую?

— Ты должен знать его характер.

— Ах да, семья Ли всегда была высокомерной, упрямой и неуступчивой, — Сун Сюань улыбнулся, показывая, что он хорошо понял.

— Младший шестой, ты тут специально, чтобы увидеть меня? — спросил император.

— Ты думаешь, младший седьмой находится в Чунани?

— Он тренирует там армию.

— Ух, ты уже это знаешь?

— Эта страна принадлежит мне.

— Третий брат, я восхищаюсь тобой. Неудивительно, что простолюдины называют тебя ясновидящим императором. Ничто не может быть скрыто от Вашего Величества.

— Младший седьмой не совершал измены.

— Почему он предпринял такие действия, способные привести к недопониманию?

— Он надеется, что я отдам ему кое-кого.

— Кого же?

— Сяомяо.

Внезапно раздался "бам, стук!" Когда они обернулись, то увидели Вэй Сяомяо, стоящего у

двери с оттенком испуга на тонком побледневшем лице. Чайник со свежим чаем упал к его ногам.

— Простите за неуклюжесть, этот недостойный слуга заслуживает смерти, — Вэй Сяомяо поспешил присесть, чтобы собрать осколки.

— Ты пришел сюда, — Сун Сюань подошел, затащил его в императорский кабинет и агрессивно спросил: — Сяомяо, что, черт возьми, Сун Вэй и ты задумали?

— Ах... так шумно... — обеспокоенный Ли Цунцин заговорил во сне из-за того, что его потревожили, а затем перевернулся.

— Младший шестой, тише, — император подошел к Ли Цунцину, откинув одеяние, завел растрепанные волосы ему за уши и, наклонившись, прошептал: — Все хорошо, ты можешь спать дальше.

Сун Сюань закатил глаза несколько раз, глядя на эту сцену: "Я не ожидал, что император полюбит Ли Цунцина до такой степени". Сун Сюань не мог понять, как его высокому и красивому брату императору, который талантлив как в гражданских, так и в военных делах, мог приглянуться кто-то настолько посредственный, как Ли Цунцин. Хотя этот парень и был его вторым зятем, но, по правде, он являлся также и самым бездарным из всех членов семьи. Все в семье Ли очень хорошо выглядели на любой вкус. Только Ли Цунцин был похож на гадкого утенка в стае лебедей.

Сун Сюань четыре года как женат на Ли Цунтун, младшей сестре Ли Цунцина, так что Ли Цунцин и император публично связаны семейным родством.

В любом случае, Вэй Сяомяо затащили внутрь, на его лице были написаны страх и замешательство.

— Сяомяо, что между младшим седьмым и тобой? Почему я никогда не слышал о твоём участии, будь честен? — Сун Сюань понизил тон.

— Ваша Светлость, этот недостойный слуга не знает, — Вэй Сяомяо быстро восстановил свой спокойный, уважительный нрав.

— Не бойся, раз уж мы выросли вместе, мы с императором не будем тебе препятствовать.

— Младший шестой, ты смущаешь его. Не беспокойся о проблеме младшего седьмого, — император воззвал к порядку. — Сяомяо, ты можешь идти.

— Да, этот недостойный слуга удаляется, — Вэй Сяомяо ушел.

— Третий брат, ты действительно уверен насчет младшего седьмого?

— Не трать время на беспокойства о младшем седьмом, лучше сосредоточиться на моей невестке. Я слышал, что она беременна вторым ребенком. Я предполагаю, что по этой причине ты сегодня здесь.

— Теперь я подозреваю, что ты не только ясновидящий, но и умеешь читать мысли, — хотя Сун Сюань внутренне благоговел, он все еще дразнил и насмехался: — Я не знаю, когда же помощник министра обрядов станет моей второй невесткой?

— Он мужчина.

— Конечно, я знаю, что он мужчина. В Дашао было несколько шанцзюней в прошлом. Император публично провозглашал своих любовников, и статус их был такой же, как у фэй. Разве это не значит, что вы официально признаете его своим возлюбленным?

— Ты когда-нибудь хотел заставить Ли Цунтун стать наложницей?

— Конечно же нет, — Сун Сюань ответил категорически, будто гвоздь вбил, продолжив: — Тем не менее, это лучше, чем без законной возможности видеть друг друга публично. Третий брат, ты знаешь, как люди называют такие отношения?

— Любовники?

— О! Я ничего такого не говорил.

Император слегка улыбнулся и отругал:

— Никто не посмеет сказать мне такое, кроме тебя.

Сун Сюань преувеличенно ответил:

— Спасибо Его Величеству, терпящему и любящему своего брата.

Братья немного поболтали о семейных делах, но перед уходом Сун Сюань не мог не посоветовать:

— Третий брат, я не знаю, как долго ваши с моим вторым зятем отношения будут скрываться. Но если вы не намеревались предать это огласке, то лучше, конечно, и не делать этого — если таков замысел Сына Неба, то это другое дело.

Император улыбнулся, но ничего не ответил.

Сун Сюань ушел, когда Вэй Сяомяо принес еще один чай.

— Сяомяо, если я прикажу тебе поехать к младшему седьмому, ты согласишься? — спросил император.

— Любой приказа Вашего Величества будет исполнен, — опустил на колени Вэй Сяомяо.

— Я не хочу отдавать тебя седьмому принцу, я лишь хочу, чтобы ты наведлся к нему. Завтра я издам указ, а через три дня ты будешь сопровождать Ли Цунцина в патрулировании Чунани и Эрхе.

— Ваше Величество, между столицей и Чунанью большое расстояние. Поскольку это работа, патрулирование заберет господина Ли, по крайней мере, на несколько месяцев, — напомнил ему Вэй Сяомяо.

— Будет лучше, если время от времени он будет отсутствовать. Я временно передаю его тебе, позаботься о нем.

— Да, этот недостойный слуга непременно посвятит себя служению господину Ли.

— Ты должен заботиться о нем, а не служить. Он не хотел бы, чтобы ты был дотошной няней. Что касается седьмого принца, это зависит от твоих возможностей, — чуть улыбнувшись, сказал император.

Вэй Сяомяо поджал губы и оправдался:

— Ваше Величество, этот недостойный слуга был с императором с раннего возраста, у меня мало дружбы с седьмым принцем и нет никакого скрытого мотива.

— Я знаю, что когда придет время, ты сможешь сам хорошенько все обдумать и решить, уйти тебе или остаться. Я не буду вмешиваться в твое решение, — сказал император. — Иди готовься.

— Да, этот недостойный слуга удаляется.

Ли Цунцин крепко спал и не подозревал, что собирается отправиться в долгое путешествие. Наконец, он проснулся, когда достаточно отдохнул. Солнце в это время находилось на западе, по-видимому, приближаясь к закату. Он потянулся и сел, одежда императора, покрывающая его тело, сползла к талии.

— Просыпайся, — сказал Сун Ю.

— Ах.

Сун Ю продолжал работать над политической повесткой дня, Ли Цунцин обулся и спокойно сел. Слуга поставил на диван небольшой столик, другой слуга принес чашу гороховой каши на подносе и поставил на него. Император специально заказал повару приготовить ее.

Сун Ю хорошо знал предпочтения Ли Цунцина в еде: тот не любил экзотическую пищу, предпочитая зеленые овощи. Несмотря на то, что это блюдо простолюдинов, императорский повар был все еще в состоянии подать его как большой деликатес. Гороховая каша выглядела, как красивый нефритовый мощный шар, который дает обедающему большее чувство удовлетворения в еде.

— Ешь, пока не остыло. Немного перекуси, а потом мы поужинаем вместе, — сказал Сун Ю.

— Хорошо, — Ли Цунцин небрежно помешивал теплую кашу, хотя он спал и ничего не ел весь день. Он не чувствовал себя особенно голодным, поэтому после двух ложек отложил ее.

— Почему бы не поесть немного? — голова императора была опущена, и его глаза, очевидно, глядели в документ.

"Поразительно, этот мужчина знает каждое мое движение".

— Нет аппетита.

— Тебе нездоровится?

— Нет.

— Несчастен?

— ...Ты мог бы позволить мне спать Тинся (Летний дом).

"Позволив мне здесь спать и использовать монаршие одеяние как одеяло, ты больше не сможешь изображать императора, который "любит народ, как своих детей".

— Ты глубоко уснул, поэтому я не хотел будить тебя.

— Кто приходил сюда?

— Министр Сюй, министр Хуан, премьер-министр Левого крыла, генералиссимус, генерал Чэнь и твой шурин.

— И ты намеренно позволил им увидеть меня? — нахмурился Ли Цунцин.

— Ты слишком подозрителен, — Сун Ю отложил документы и сел рядом с ним, взял миску и начал кормить его ложкой, сказав: — Через три дня будешь патрулировать Чунань и Эрхе от моего имени.

— В одиночку? — Ли Цунцин покорно съел гороховую кашу из рук императора.

— Я попросил Сяомяо поехать с тобой.

— Я не бывал так далеко от столицы.

— Можешь воспользоваться возможностью и навестить своего третьего брата.

— Когда я должен вернуться в столицу?

— Когда цветы вдоль дороги расцветут, можешь не спеша возвратиться.

Глаза Ли Цунцина слегка сузились, а затем в них появилась улыбка, вкус соленой каши показался слаще.

— Ваше Величество, позвольте Вашему подчиненному напомнить, что я помощник министра обрядов, а не дама У Юэ.

Сун Ю поставил миску и затащил его на колени, а затем облизал рот, на котором остались остатки каши. Он впился во влажные, сладкие, блестящие губы, страстно целуя их, и произнес:

— Я иногда хочу, чтобы наши отношения были открытыми. Я император, но должен красться, дабы увидеть своего любовника — это совершенно неподобающе.

Он всегда чувствовал, что губы Ли Цунцина восхитительно сладкие и становятся слаще с каждым днем. И поэтому он всегда хотел поцеловать его, а потом сожрать. Ли Цунцин приоткрыл рот, и язык Сун Ю проник в него, продолжив затяжной поцелуй, в то время как Ли Цунцин невнятно пробормотал:

— Жена — не наложница, наложница — не то же самое, что роман на стороне.

— Ты, ах! — Сун Ю разозлился и укусил его губу. Когда они заканчивали поцелуй, он все еще

был немного раздражен, но крепко держал Ли Цунцина в объятиях. — Быть вместе действительно тяжело?

Тяжело? В душе Ли Цунцин признался: с самого начала он действительно не особо желал вступать в эти отношения. Он всегда избегает рискованных действий, будучи слишком ленивым до всего: он не ищет неприятностей, поэтому неприятности не ищут его.

"Разве отношения с императором не приносят мне много хлопот?"

Сначала о Ли Цунцин был ошеломлен и смущен, не зная, почему он приглянулся императору. Конечно, он не хотел попадать под тело мужчины, но не мог помешать этому и дать отпор. Кем является император? Самым могущественным человеком в государстве — напрасно бороться против подобной силы. Он не похож на тех, кто предпочел бы умереть, чтобы защитить свою девственность. Он — Ли Цунцин, который хочет быть похожим на маленького ленивца. Ему достаточно просто лежать лениво весь день.

Он считал, что у монарха сиюминутное желание новенького по отношению к нему, и оно долго не продлится. Все, что нужно — немного терпения, и это закончится. Однако ситуация оказалась выше его ожиданий: их чувства со временем усилились. Невольно с каждым днем они стали заботиться друг о друге чуть больше, и в конечном счете в настоящее время они уже не могли друг без друга.

Он почти уверен, что император любит его, и он тоже влюблен в императора. Скрывать это со временем становилось труднее, но если бы они не скрывались, то все было бы в сто раз сложнее.

Были времена, когда он хотел, чтобы их чувства были открыты, но его мужчина — император. Предание гласности, по-видимому, вызовет большие проблемы, и это утомит его. Если их тайная любовная интрижка станет достоянием общественности, то, думал он: "Я, наверное, буду первым, кто сбежит туда, где никто не сможет найти меня, и спрячусь там навсегда, притворюсь, что ничего не случилось. Все в порядке, если называют меня трусом. Если смеются над моей недостойностью — тоже неплохо. Обычная жизнь и простой, легкий, беспрепятственный путь — я бы добровольно зарыл голову в песок, как страус, ах..."

— Почему мы все еще вместе? — приглушенно прошептал Ли Цунцин, спрашивая Сун Ю, как будто спрашивая себя.

Иногда он думал: "Если бы я не вздремнул шесть лет назад, не был бы злополучно пронзен мечом убийцы, и, следовательно, мое существование не заметил бы император, то сегодня мы не были бы связаны друг с другом? Должен ли я быть возмущен или благодарен тому слабому убийце? Тот человек взял в заложники бесправного и несущественного чиновника".

Император, который никогда раньше не вздыхал, вздохнул:

— Это судьба.

— Несчастье одно.

— Даже если это несчастная судьба, я заставлю это несчастье связать тебя и меня навсегда.

— Всю жизнь... всю жизнь... действительно быть вместе... — голос Ли Цунцина звучал смущенно, его глаза мечтательно затуманились.

— Конечно, я могу! — Сун Ю поднял его лицо и, решительно уставившись, сказал: — Ли Цунцин, Ли Цунцин, в этой жизни тебе суждено принадлежать мне.

Ли Цунцин задумчиво и молча посмотрел на Сун Ю, затем неопределенно, неясно воскликнул:

- Ах! — и зевнул. — Ты все еще занят, я бы отдохнул немного, позови меня к ужину, — затем он поцеловал своего возлюбленного императора и снова занялся любимым делом — сном.

Сун Ю громко усмехнулся. Немного раздраженный, он щелкнул мужчину по носу, а затем бессознательно приласкал его лицо. "Мне нравится его безмятежность и любовь к спокойствию. Но такое отношение и непринужденность темперамента порой действительно раздражают. Я не уверен, сколько меня в его разуме и насколько я важен для него".

— Цунцин, уделяй мне больше внимания, хорошо? — тихо прошептал молодой император заснувшему мужчине. "Не знаю, просочатся ли эти слова любовных чувств в его сон".

Как могли император Дашао и помощник министра обрядов низкого ранга сойтись? Тем не менее, это был популярный вопрос для многих людей относительно этого предположительно тайного дела.

История судеб этих двух людей началась около семи лет назад.

Это была четвертая весна правления нынешнего императора и шестой ежегодный большой имперский экзамен. Пред экзаменом претенденты избирались из каждого округа и Императорского училища Сань Байю (школа для детей дворян и чиновников). Более трехсот кандидатов пытались выдвинуться на начальное испытание, а затем — еще один раунд отбора из ста кандидатов для входа во дворец и контрольные вопросы по правительственной политике, лично задаваемые императором. Первая степень присваивалась трем лучшим ученым, следующие шестнадцать ученых получали вторую степень. Остальные вносились в официальный реестр в соответствии с их способностями и опытом, чтобы впоследствии они могли занять официальную должность или временную должность там, где это необходимо.

Короче говоря, это было испытание для чиновников страны.

Глава дома семьи Ли, Ли Цунинь, использовал грубые и мягкие методы. Он заставил девятнадцатилетнего Ли Цунцина согласиться присоединиться к своему третьему брату, семнадцатилетнему Ли Цунсюаню, в весеннем национальном экзамене.

Ли Цунцин не хотел становиться чиновником и был бы рад только владению одного из магазинов или предприятий своего старшего брата. Но Ли Цунинь хотел расширить свой бизнес и считал, что это возможно, если один из членов их семьи будет сидеть на официальной должности. Поэтому он заставил второго и третьего братьев усердно учиться, надеясь, что в будущем один из них займет место чиновника, а его замысел принесет плоды.

Когда был объявлен список предварительной квалификации национальных экзаменов, Ли Цунинь был доволен тем, что оба его брата были приняты в качестве успешных кандидатов. Даже если они не получают первую или вторую степень, пока они попадают на третий уровень, они автоматически занимают официальную должность, и проложат себе путь вверх по лестнице в более поздние сроки без больших проблем.

Ли Цунцин любил читать в молодом возрасте, хотя у него был и неприятный опыт принудительного изучения истории, кодекса поведения, национальной политики и так далее. Следовательно в одно ухо влетало, из другого вылетало. То, что он действительно любил читать — фантастические истории, которые были интереснее. Таким образом, при каждом экзамене он пытался использовать все свои умственные способности и смог собрать около трех тысяч слов, что было невероятно удачно, в то время как другие могли, по крайней мере, передать миллионы слов.

Поэтому он нередко задавался вопросом, было ли его прохождение на каждом экзамене на самом деле результатом взяток его брата чиновникам, в отличие от Ли Цунсюаня, который заслужил это место своими собственными силами.

Хотя утверждалось, что успешных кандидатов проверяет император, но на деле экзаменатором был офицер высокого ранга, и было только несколько человек, которых лично опрашивал Его Величество. Обычно требовалось всего около пятидесяти кандидатов, чтобы сдать экзамен уставшему монарху, поэтому остальные кандидаты оказывались в невыгодном положении от того, что их не услышат, потому что привлечь внимание императора будет уже очень трудно.

Ли Цунсюань был семнадцатым кандидатом, который был в первой партии успешных кандидатов, в то время как Ли Цунцин оказался в последней партии: номер девяносто два. Он погрузился в сон, продолжая дремать от долгого ожидания. Когда его позвали, ему пришлось ущипнуть себя, чтобы проснуться.

После поклона на земле молодому императору, сидевшему на троне, Ли Цунцин стоял внизу и слушал, как те, кто стоял перед ним, отвечали. Они были страстными, говорили о щедрости и сужьях. Они были красноречивы в таких вопросах, как массивированная контратака на поле боя. Его глаза сами закрывались снова и снова: открыть глаза и не закрыть их — действительно

чрезвычайно трудная задача.

“Я хочу спать... почему я не могу этого сделать, очень хочется спать...”

— Ли Цунцин... Ли Цунцин...

“Какое знакомое имя...” — Ли Цунцин находился в трансе, когда кто-то толкнул его:

— Эй, они зовут тебя.

“Ух, это я!” — Ли Цунцин заставил свои веки открыться и поспешно вышел из очереди.

Экзаменатор увидел его заспанный вид, ошеломленный взгляд — он не казался умным человеком — поэтому выбрал самый простой вопрос:

— Его Величество спросил: “Как ему сделать государство более безопасным?”

Ли Цунцин не ответил, как другие, пытавшиеся показать свои таланты, а только коротко заявил:

— Достаточно еды и одежды, чтобы люди чувствовали себя в безопасности. Люди считают еду самым важным.

— Это все?

— Да.

— Почему бы не добавить еще несколько утверждений? Это было бы чудесно, — экзаменатор любезно дал ему второй шанс.

— Соблюдайте этику правителя и судьи для гражданина, тогда стране не будет угрожать опасность.

— Что-нибудь еще?

“Все еще недостаточно, а?” — Ли Цунцин усердно размышлял, а затем сказал:

— Страна принадлежит не только императору. Его Величество должен приложить усилия и использовать свой ум, чтобы обеспечить мир гражданам, следовать примеру рассудительных мудрецов, чтобы прожить долгую жизнь.

Внезапно зал на мгновение замолчал.

Ли Цунцин смутился. Он действительно задавался вопросом, что он такого сказал, что могло заставить всех онеметь. Он не считал, что сможет преуспеть в качестве одного из успешных кандидатов, думая о том, как бы побыстрее уйти отсюда и вернуться домой спать. Его заставили проснуться утром перед рассветом и загнали во дворец — лучше было бы убить его вместо этого.

Экзаменатор осмотрел его с головы до ног, словно увидел демона, мысленно размышляя о том, как этот юноша осмелился поучать императора. Разве это не означает, что Его Величество не правит справедливо, как рассудительный мудрец?

— Что ты думаешь о том, как быть праведным императором? — император внезапно нарушил молчание, чем потряс зрителей.

Ли Цунцин, безусловно, удивился, но, тем не менее, ответил:

— Ешьте пищу людей, думайте о том, что думают люди, радуйтесь счастьем людей, сочувствуйте беде людей, любите людей — тогда люди полюбят в ответ: зло толкает людей быть злыми преступниками. Уважайте людей, словно тигра, и будьте в состоянии видеть боль людей.

— Что ты пытаешься сказать? Что император принадлежит не себе, а всем людям страны?

— Император всегда говорит: “Я — нация”. Поэтому император — глава государства, если не будет людей, то не будет государства.

В зале стало тихо.

На самом деле, то, что сказал Ли Цунцин, было хорошо известной истиной, ничего нового — клише — за исключением того, что никто не посмел бы проповедовать это монарху. Даже сделавший заявление “Я — нация” был виновен в неуважении. Человек, сказавший это, либо идиот, либо имеет большое мужество. Зрители в настоящее время обливались холодным потом за него.

Император не показал гнева, но слегка улыбнулся и сказал:

— То, что вы сказали, верно.

Экзаменатор, наблюдавший за ситуацией, увидел, что императору, похоже, понравился ответ Ли Цунцина, и киноварью обвел его имя.

“Слепая кошка поймает мертвую крысу”^{*} — вероятно, так и для Ли Цунцина. Удача причислила его в первую группу: он занял третье место, получив пятый ранг и должность в Министерстве доходов в качестве начального уровня. Ли Цунсюань был настоящим золотом, получившим первое место, пятый ранг в правительственном министерстве, и был отправлен в Эрхе в качестве начальника Правительственного дома в округе.

[П/п: ^{*}“слепая кошка поймает мертвую крысу” — слепая удача, случайная удача].

Оба брата сдали экзамены, получив первую степень. Один из них получил работу в качестве младшего должностного лица в столице, а другой — в качестве высшего должностного лица в округе — и обе должности являются прибыльными. Ли Цунинь смеялся, едва не вывихнув челюсть. Он три дня праздновал, запускал петарды и устраивал большие банкеты. Хотя на празднике взималась плата за возможность присутствовать, многие богатые люди пришли, так как они хотели обзавестись перспективными связями. Такой пир помог Ли Цунинь приобрести несколько деловых союзов и вложений. Но прежде всего, это было очень веселое мероприятие!

На следующий день после публичного объявления списка, согласно сложившейся традиции, двор устраивал банкет для успешно сдавших имперский экзамен. Был установлен павильон на берегу озера Тайе для проведения праздника. Три успешных кандидата, набравшие наивысшую оценку на имперском экзамене, имели особую честь сидеть на одном ковре с императором. Говорилось, что они сидят на том же ковре, но императорское кресло все же находилось на некотором расстоянии от них — это был просто пир в том же шатре, и внутри него также находилась группа высокопоставленных чиновников.

Существовал негласный обычай на банкете для сдавших имперский экзамен: кандидат, ставший третьим^{*}, выбирал самый красивый пион в столице от имени ученых мира и посвящал его императору, произнося при этом: “Небеса даруют миру тысячу ароматов весны, эта непревзойденная красота преподносится нашему императору”.

[П/п: *□□□□ Tanhua Lang: “таньхуа”— обладатель третьего результата среди получивших первую степень на имперских экзаменах или экзаменуемый третьего места. “Лан” означает бакалавра или младшего должностного лица. Я буду использовать экзаменуемый третьего места и таньхуа, когда это необходимо].

Когда император принимал его, он отвечал: “Благодать с небес не только для ласточки на самом высоком здании, красота весны возвращается в мир.”

После этого император возвращал пион в качестве подарка успешному экзаменуемому. Это служило метафорой, что император и огромное количество людей молятся и желают непрерывных благополучных лет — прекрасные и элегантные иносказательные понятия.

Когда Ли Цунцин в соответствии с традиционным предписанием благоговейно и почтительно предложил цветок пиона насыщенного ярко-красного цвета, словно пылающее пламя, император как будто улыбался и не улыбался, не сразу приняв его. Первоначально довольно

шумный шатер замолчал, все взгляды были направлены в их сторону.

Что на этот раз? Ли Цунцин не мог понять ситуацию. Вчера вечером он как можно раньше лег, чтобы полностью отдохнуть и сохранить хорошее настроение. Они хотели, чтобы он выбрал пион — он выбрал один. Итак, почему сцена снова стала такой странной?

Шестой принц Сун Сюань подошел ближе и удивленно сказал:

— Разве это не выдающаяся красота*, которую Его Величество посадил лично?

[П/п: *[] — буквально означает “божественный аромат, райское благоухание” — слово, описывающее выдающуюся красоту и аромат пиона].

Шатер сразу взорвался, как котел. Этот парень чрезвычайно смелый, он на самом деле срезал цветок, который лично посадил император!

Ли Цунцин был ошеломлен. Тогда он понял, что попал в неприятности. Он вспомнил это утро: получив задание выбрать пион, вопреки своей обычной ленивой природе он не посмел просто сорвать любой цветок, чтобы посвятить его императору. Итак, Ли Цунцин искал здесь и там вдоль озера Тайе, но никак не мог решить, какой из них выбрать. Так случилось, что Великий мудрец, Великий наставник государства проходил мимо, любезно спросив его, что он ищет.

Ли Цунцин ответил: “Самый красивый пион в столице”.

Великий наставник указал на храм Байху и сказал: “Самый красивый пион в столице находится там”.

Храм Байху был родовым храмом императорской семьи, простолюдинам без полномочий не разрешалось туда входить. Но нашему экзаменуемому третьего места чрезвычайно повезло, что Великий наставник государства проводил его. Ли Цунцин спокойно вошел в храм Байху, расположенный недалеко от озера Тайе. Ему повезло, что он разобрался с пионом для императора. Он старательно вспомнил еще раз, что этот пион был посажен в большом бамбуковом павильоне. Гордо расцвел он великолепным алым цветом, его аромат ударил в нос — поистине чрезвычайно благородный цветок.

Великий наставник не встревожился и не остановил его, поощряя смехом, кивая головой, и даже на самом деле сказал, что это великий выбор, какой великий выбор.

Хорошо, конечно, хорошо! Хорошо до такой степени, что ему могут отрубить руки навсегда!

Он серьезно отнесся к этому вопросу, а результат оказался настолько ужасным. Ли Цунцин некоторое время не знал, как лучше поступить. Он размышлял о том, стоит ли броситься на пол, упасть на колени, рыдая и умоляя императора сжалиться над его ничтожной жизнью?

Или просто произнести громкую речь, не признав себя виновным, потому что тот, кто не знал, не может нести ответственность?

Император торжественно посмотрел на Ли Цунцина. Ли Цунцин тупо уставился на императора. Оба они не обращали внимания на всякие комментарии из толпы, просто смотрели друг на друга.

Несколько дней назад в Большом зале аудиенции несмотря на то, что император смотрел сверху вниз, он мог видеть только шляпу Ли Цунцина: с головы до пят тот не сильно отличался от других хилых ученых, ничем не выделялся. Ли Цунцин с самого начала и до конца стоял, склонив голову и опустив лицо вниз, кроме того, император сидел так высоко и так далеко — как будто на дальнем конце света — что они не могли видеть друг друга ясно. У них не сложилось никаких впечатлений друг о друге.

Теперь, когда Ли Цунцин мог видеть священное лицо с близкого расстояния, он разглядел, что у императора брови, как лихой меч, и блестящие глаза. Действительно, это была необычная чрезвычайно привлекательность, как поговаривали, элегантная, с отчетливым культурным характером. В отношении только внешности, по сравнению с двумя в высшей степени красивыми братьями Ли Цунинем и Ли Цунсуанем, император не уступал им в каком-либо отношении. Также у него не было обманчивой ауры Ли Цуниня и сурового, серьезного лица Ли Цунсуаня. К его врожденному благородству добавлялись внушительная, солидная осанка и спокойные, как море, манеры, не демонстрирующие своей власти, заставляя сердце Ли Цунцина биться в трепете и почтении.

Император случайно заметил небольшую округлую бусинку на губах Ли Цунциня. Это было похоже на каплевидную росу, стекающую по бутону цветка, который вот-вот раскроется — в результате чего его губы выглядели слегка припухшими. На этом посредственном лице смешались противоречивое чувство ребячества и прекрасное очарование женщины. Особенно сейчас, когда он моргнул глазами с невинным выражением, отчего губы невольно надулись сильнее — неожиданно он стал заметно симпатичнее, вызывая импульсивное желание получить с ним интимные отношения.

Император, конечно, не может совершить подобного рода действия, не поддающиеся описанию. Медленно улыбнувшись, он первым открыл золотые уста:

— Благодать Небесная не только для ласточки на самом высоком здании, красота весны отражается на танхуа.*

[П/п: *изначально: “Благодать с небес не только для ласточки на самом высоком здании, красота весны возвращается в мир”].

А? Император изменил последние три слова ответного стиха, смысл в том...?

— Я слышал, что этот цветок сладкий, экзаменуемый третьего места, попробуйте, — император приказал принести ему небольшую тарелку меда.

У Ли Цунцина было бесстрастное лицо. Решившись, он не ощущал панику или растерянность. Он подумал про себя, что если оказался в тупике, то звать отца, кричать, чтобы мать упала на землю в горе, было бы бесполезно, так что лучше сэкономить усилия. Спокойно, перед ошеломленными глазами всей толпы, он окунул пион в мед и, лепесток за лепестком, съел его.

Лепестки были немного горькие и кисловатые, к счастью, мед очень сладкий: сильный аромат смешивался с густым сладким медом — на вкус получилось довольно неплохо. Эх... может они ядовиты, и император хочет отравить его в качестве наказания?

Светло-красные губы кусали сияющие, блестящие от меда, красные лепестки. Император искоса посмотрел на, казалось бы, более вкусные, чем пион, губы — до такой степени, что он не мог сместить свой взгляд на некоторое время.

В стороне Ли Цунсуань, невероятно холодный до крайности, спокойно наблюдал, не сказав ни слова о неблагоприятной ситуации своего брата.

Но напротив, экзаменуемый второго места этого года, Гэн Байцзо, вынужденно засмеялся пустым смехом. Он взял на себя смелость громко засмеяться и сказал:

— Наш экзаменуемый третьего места напоминает быка, на этот раз это действительно не только на словах, но буквально "бык, жующий пион"*

[П\п: *"корова (или бык), жующая пион" — не ценить хорошие вещи и испортить].

Холодная шутка сломала тупиковую ситуацию, все громко рассмеялись, услышав эту банальную остроту.

Съев пион, Ли Цунцин понял, что он не умрет, так как там нет яда. Глядя на счастливое и довольное лицо императора, он предположил, что, возможно, в настоящее время ему не придется беспокоиться о своей жизни. Вздохнув с облегчением, он засмеялся со всеми. Он не выглядел смущенным. Неторопливо, именно так он передал свою благодарность императору за дарование ему выдающейся красоты.

Когда он смеялся, ожившие губы были похожи на распустившийся цветок, который пропитался росой, желанной свежестью и нежностью.

Маленькая деталь, которую никто никогда не замечал, но император заметил ее. Он подумал про себя, почему в этом мире есть человек с губами цвета весеннего цветка? На самом деле, более желанными, чем женские вишнево-красные губы. Кроме того, на лице совершенно обычного на вид человека.

Эти губы — каковы они на вкус?

Немного пофантазировав, император мягко рассмеялся и сказал:

— Экзаменуемый третьего места сорвал действительно один великий цветок.

Дракон* был в восторге, император позволил Ли Цунцину сесть поближе к нему. Банкет по случаю сдачи имперского экзамена прошел гладко, радостно и весело.

[П\п: *дракон — символ императорской власти, благородного происхождения, мастерства и мудрости, таланта и превосходства во всем. Видимо, здесь в значении “император”].

Экзаменуемый третьего места сидел с левой стороны от императора, лучший экзаменуемый сидел с правой стороны от императора — они оба оказались братьями Ли. Когда Ли Цунинь узнал об этом после банкета, он сильно смеялся и в течение нескольких дней не мог закрыть рот, так как не мог скрыть своего счастья. ХА-ХА-ХА-ХА — на этот раз, семью Ли, безусловно, ожидает метеоритный подъем, она получит большую прибыль, не так ли?

В то время никто не мог предвидеть, что когда-нибудь в будущем "Бык, жующий пион" Ли Цунцин сожрет императора до глубины души.

<http://bllate.org/book/15018/1327363>